

ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК

I ЧАСТЬ – ПОДЗЕМНЫЙ МИР ПЛАНЕТЫ

1. КОНТИНЕНТ ВЕЧНОЙ НОЧИ

2. ГОНКИ ПО ВЕРТИКАЛИ

Выход подсказало само плато. Вечером, стоило солнцу зайти, снежники, окружающие лагерь, переставали сочиться водой. Не запасся днем – расходуешь драгоценное топливо и топи снег в котелках на примусе.

Решение проблемы таила ночь. Чтобы проникнуть за водопадный каскад Улучурской, решили идти с вечера, работать ночь, день отсиживаться в лагере под землей, а следующей ночью возвращаться. Сказано – сделано. Вниз вместе со мной идут Гена Никонов из Актюбинска и Виктор Карасев.

Готовились к выходу и не спали, конечно, весь день, пытаюсь изготовить из скудных запасов полиэтилена подобие гидрокостюмов. Ербол, вырезав дырки для головы и рук, натягивает на себя полиэтиленовый мешок. Реквизировали для подземных целей чей-то полиэтиленовый анорак (*28). Карасев задумчиво смотрит на плащ-накидку от дождя, очень кстати обнаруженную под клапаном рюкзака. Усть-каменогорец Саша Гановичев мурлычет под гитару сочиненную мной накануне переделку на известный кипплинговский мотив:

Мы уходим на рассвете,
По пещере свищет ветер
И уносит нашу песню в темноту.
И только брызги по колодцам,
Вниз уходим мы от солнца,
Чтоб увидеть неземную красоту!

Наконец, солнце падает за край плато. Все, кажется, готово. Спуск в пещеру начинаем в темноте, часа через два после истощения ближайшего к лагерю снежника. Пещера начинается 50-метровым колодцем, в который на шнуре спущены скудные экспедиционные запасы купленного у пастухов мяса: на дне колодца снег, и собаки не бегают. Но спускаемся мы через второй вход – неприметное отверстие в воронке рядом. Этот вход каскадом мелких уступов приводит в тот же зал, что и главный колодец.

Мы несем с собой палатку и спальные мешки для ночевки, поэтому Шкуродер особенно рад покуражиться над нами. Пока парни продирают по нему мешки, делаю навеску веревок на первый уступ каскада. Воду и впрямь точно "прикрутили". Вместо внушительного душа, едва заметный ручеек весело брызгает снеговой водичкой.

Начинаю спуск. Быстро проезжаю по веревке первые двадцать метров до площадки. Здесь дождит сильнее, но есть куда отойти. Справа на площадку падает точно такой же ручеек, как тот, по которому мы пришли. Приток. Значит, ниже воды будет раза в два больше. Приятная перспектива!

Но как и ожидалось, спуск наш проходит успешно: все сухие и лагерь с нами.

Оставляем мешки в небольшом гроте, а сами спешим вниз по открывшемуся со дна каскада меандру (*29).

* * *

Так же, наверно, в далеком уже 1959 году, спешили вперед первопроходцы шахты Каскадная, что на Ай-Петринской яйле (*30) в Крыму. Группа спелеологов Крыма и Москвы под руководством Б.Н.Иванова, в составе Комплексной карстовой экспедиции предприняла штурм неизвестного провала на плато, но из-за недостатка снаряжения остановилась на глубине -160 метров перед очередным колодцем. Поднимались полные надежд – спустились глубже всех в стране, а впереди неизвестное продолжение!

Нет, это не был рекорд СССР. Тогда в Крыму еще не знали, что первыми 100-метровый рубеж в пещерах страны преодолели красноярцы. В ноябре 1958 года красноярская группа под руководством Игоря Ефремова спустилась на глубину -170 метров в пещере Торгашинская. Красноярцам вообще крупно повезло на природу:

реки, леса, знаменитые "Столбы" – колыбель красноярской школы скалолазания, а тут еще, буквально в полутора часах ходьбы от города, такая замечательная пещера как Торгашинская!

Рекорд в пещерах Крыма не состоялся, но он уже назревал.

Если пропасть идет, продолжается, то не вернуться к ней в самое ближайшее время просто невозможно. Уже в следующем, 1960 году, в Каскадной был пройден 200-метровый рубеж. Дно Каскадной открылось экспедиции на рекордной для СССР глубине: –246 метров (*31).

Рекорд состоялся, но просуществовал недолго. В этом же году на Кавказе в пещере Ткибула–Дзеврула спелеологи Тбилиси и Кутаиси спустились еще глубже: –280 метров.

* * *

Старт прошел удачно. Но дальше дело замедлилось. Исследования в Крыму приносили десятки и сотни пещер и колодцев, но почти все они не радовали глубиной.

Забегая вперед, надо сказать, что Крым, привлекая всеобщее внимание, долгое время сопротивлялся стараниям спелеологов преодолеть здесь заколдованную отметку –300 метров. Только в 1971 году на Караби-яйле феодосийской команде удалось казалось бы невозможное: в пещере Солдатская крымчане опустились на –500 метров. Вот это была сенсация!

Каскадная тоже таила в себе сюрприз. Потребовалось пятнадцать (!) лет частых посещений спелеотуристами этой известной пропасти, чтобы, наконец, алтинской группе под руководством Игоря Дворянинова посчастливилось увидеть "окошко" в стволе хоженного–перехоженного колодца, проникнуть в него и пройти параллельный основному ствол пропасти до глубины –310 метров. Через три года симферопольцы достигли "Нового" дна Каскадной на отметке –400 метров.

Но все это было еще очень далеко, а пока, в начале 60-х, крымские спелеоэкспедиции не приносили желаемых глубин. Нужен был новый карстовый регион. Им стал Западный Кавказ.

В 1965 году чета лесников Назаровых сообщила спелеологам об увиденном ими в одной из залесенных балок близ Хосты огромном входе в пещеру. Так начинаются исследования на хребте Алек Западного Кавказа. С этого момента хребет Алек становится одним из популярнейших мест советского кейвинга.

Все, кто серьезно увлекся пещерами, рано или поздно попадают в леса Алека. Алек! "Буковая поляна"...

Сколько воспоминаний связано у всех нас с этими местами! Буки в три обхвата, ливневые дожди летом и снега по грудь зимой, синее небо сквозь гущу листвы над заросшими субтропической растительностью балками. Воронки, лианы, едкий дым неговорящих буковых костров и пугающая для северян песня шакалов на закате.

Алек. Колыбель советской технической вертикальной спелеологии. Именно здесь исследователи впервые столкнулись с пещерами, так называемого, "кавказского" типа. Промытые водой колодцы, острый коррозионно-эрозионный (*32) рельеф стен и паводки сокрушительной силы.

* * *

Здесь, в Казахстане, такие пещерные паводки неизвестны. Но Улучурская очень напоминает кавказскую пещеру. Мы это почувствовали сразу, едва углубились в меандр. Меандр извивается вправо–влево, прыгает уступчиками вниз. Стены в острых перьях. Более растворимая мягкая порода вымывается быстрее, твердая остается и вот возникает фантастическая картина "подводного царства". Только причудливые толстенные "водоросли" – каменные, и "чудовища", молчаливо взирающие на нас с рельефных стен – тоже. Обползаем узкой трещиной шумный водопад, спускаемся лазанием с пятиметрового уступа, и снова тишина высоченного меандра.

Известно, что неприятности всегда возникают там и тогда, когда их меньше всего ждешь. Так и у нас. Меандр неожиданно сужается. Неужели не пролезть? Пробуем. Мы с Виктором проходим, наш богатырь–Гена – нет. Оставляем его в одиночестве и отправляемся дальше. Следующая узость отфильтровывает Карасева. Впрочем, он не очень и старается. Видимо, устал. Ладно, пройду еще немножко, погляжу, что впереди, и возвращаемся.

Один на один с Пещерой. Это необычное ощущение. С опытом ощущение некоего противостояния притупляется, но никогда не проходит совсем. Обостряются слух, зрение, все органы чувств. Каждый шорох вокруг фиксируется вниманием. В шуме

ручья улавливаются малейшие изменения. Движения – сама осторожность. Ты один. И надо рассчитывать только на себя.

Но все идет отлично! Пещера дружески поддерживает тебя, открывает удобные варианты прохода, зацепки при лазании сами ложатся под пальцы, капель с невидимого свода хрустально прочерчивает угольную тьму: все получается, все радует глаз и душу.

Меандр передо мной суживается в нижней части. Дальше пройти можно только по верху. Что ж, придется ползать на распорах. Упираюсь ногами в одну из стен, спиной в другую и довольно быстро поднимаюсь на несколько метров. Теперь тем же образом вперед над узкой засасывающей щелью.

Что-то стены какие-то необычные...

Это песок! Тоненький песочек покрывает стены расщелины, в верхнюю часть которой меня занесло стремление вперед. Соскользнуть вниз по этому песку – плевое дело! Неужели известняки, слагающие этот массив, переслаиваются песчаниками?

Впереди обозначается поворот хода право почти под прямым углом. Пытаюсь заглянуть за поворот, но оттуда в глаза прыгает мрак. Все вокруг погасло, ткнулось черной ватой в лицо. В чем дело, черт? Свет! Фонарь вспыхивает коротким выскерком, и снова темно. Хорошенькое дело – остаться без света в распоре между скользкими стенами на высоте третьего этажа! Потеря света при свободном лазании – кошмар подземных скалолазов.

В такие мгновения мозг лихорадочно перебирает множество вариантов, способов и деталей выхода из создавшегося положения. У каждого из нас свое число припасенных на случай аварийной ситуации спасительных ходов. Вот тут и проявляется опыт – в количестве и эффективности этих вариантов, а также в умении выбрать оптимальный: в кратчайшее время, с первого раза и без ошибки.

Пока вспоминаю, что запасный свет оставил в лагере, уповаю на свежие батарейки в налобном фонаре, обнаруживаю, что спички и капсула со сменными лампочками лежат в прижатом к стене кармане комбинезона... Слегка поворачиваю голову. Каска гулко встречает невидимый во тьме выступ – вспышка света. Заработал! Значит, где-то контакт барахлит, проносится в голове, а ноги и руки уже автоматически подталкивают меня назад по щели, назад и пониже, пока свет, пока не... Бац! Опять темно. Но я уже внизу.

* * *

Один на один с пещерой... Я один. Но это все-таки не то одиночество, когда совсем, абсолютно один. Когда никто не знает, где ты и куда ушел. Так, на заре своей спелеологической деятельности, исследовал пещеры Норбер Кастере. Это высшая степень одиночества в кейвинге. Преклоняясь перед мужеством спелеологов, отваживающихся на нее, следует признать, что лишь особая сбалансированность и устойчивость психики, высокий профессионализм и, зачастую, счастливое стечение обстоятельств позволяют одиночкам избежать тяжелых, если не трагических, исходов подобных предприятий. Неумолимая теория вероятности недвусмысленно предупреждает о неизбежных неприятностях, таящихся на пути одиночек.

Любители встретиться с Природой один на один были и будут всегда. Миру Приключений известны имена знаменитых одиночек. Сольные путешествия к Северному полюсу японского путешественника Н.Уэмуре, восхождения выдающихся альпинистов, таких как Ренхольд Месснер, на высочайшие вершины мира, кругосветные плавания одиночек-яхтсменов, подобных англичанину Фрэнсису Чичестеру, и, как апофеоз риска в одиночку – спелеоподводные исследования в заполненных водой пещерах, непревзойденным мастером которых является немец Йохен Хазенмайер (*33).

В семидесятых годах становятся известными сольные подземные прохождения крупнейших пропастей с использованием динамической техники, получившей французское название "корделет".

Что такое корделет? В простоте техника шнура – корделет, заключается в сдерживании основной веревки после спуска в каждый очередной колодец с оставлением на отвесах тонкого нейлонового шнура-корда, с помощью которого при подъеме на обратном пути веревка возвращается на место.

Итак, француз П.Пенес совершает сольное прохождение известной пропасти Берже до ее дна на глубине –1122 метра и возвращается, затратив на все 19 часов. Всего 19 часов! Помню, в какой шок повергла нас, не знавших тогда корделета, эта весть.

Корделет. О нем мы еще поговорим подробнее. А пока в 1971 году другой известный француз Поль Курбон предпринял попытку сольного прохождения не менее

известной пропасти Пьер-сен-Мартен. Надо сказать, что ПСМ, как сокращенно и уважительно называют пропасть спелеологи, начинается уникальным образом. Узкое отверстие в борту крутоскальной воронки приводит в вертикальную пропасть глубиной 346 метров, в честь первооткрывателя названную шахтой Лепине. В шахте Лепине динамическая техника становится бессильной и требуется полноценная навеска штурмового снаряжения для спуска и подъема по этой гигантской каменной трубе.

Первая попытка отважного француза закончилась неудачей. Навесив в одиночку 310 метров лестниц и веревки, Поль завис в пяти метрах от дна пропасти, не имея ни кусочка веревки, чтобы продолжить спуск. Ошибка в топографической съемке привела к досаднейшей неудаче. Курбон безусловно должен был ощутить сильнейшее желание завершить спуск, прыгнув вниз и сбросив остальное снаряжение. Всего-то пять метров! Вопрос возвращения остро не стоял, так как в нижней части ПСМ существует гидротехнический тоннель "ЕДФ", проложенный ранее французской энергетической компанией в промышленных целях, – тоже уникальная особенность этой пропасти. Но глыбы на полу зала и благоразумие побороли отчаянье несбывшихся надежд, и Курбон начал подъем. Десять часов непрерывной работы позволили ему поднять почти 90 кг своего снаряжения и выбраться самому.

Вторую попытку Курбон предпринял только через полтора месяца. Надо думать, требовалось время, чтобы отдышаться. На этот раз все прошло благополучно. Затратив на спуск в шахту Лепине 1 час 45 минут, Курбон достиг зала Верна в донной части пропасти и вернулся ко дну шахты за 4,5 часа, после чего совершил подъем на поверхность за 5 часов 45 минут. Таким образом, сольное прохождение 730 метров денивеляции заняло 12 часов! (*34).

Трудно сравнивать эти два сольных прохождения. Ясно одно – оба они являются выдающимися достижениями.

* * *

Надежда на помощь существует, но ты идешь один. Если что-то случится: вылетит небрежно забытый крюк, покачнется камень после неосторожного шага или погаснет свет – помощь, конечно, придет, но не скоро. Дотянешь ли? Мои товарищи, оставшиеся мерзнуть перед непроходимыми для них сужениями хода – поддержка, скорее, моральная, чем сколько-нибудь действенная. И Пещера, только что приветливо расцвеченная и благожелательная, вдруг нахмурилась, скалясь корявой чернотой расщелин. Выступы, карры так и норовят цапнуть за провод многострадального фонаря, дернуть комбинезон, заклинить сапог.

Есть и еще один вид одиночества в пещере. Целый ряд зарубежных исследователей, из которых у нас известен, пожалуй, только француз Мишель Сифр, провели длительное время под землей без связи с внешним миром (*35).

Сифр начал свою серию экспериментов в 1962 году с 63-дневного пребывания на глубине –130 метров в альпийской пропасти Скарассон с подземным ледником. Этот эксперимент подтвердил наличие в организме человека неких биологических часов, регулирующих ритмы жизнедеятельности.

Однако, впечатления от более чем двухмесячного одиночества в пещере оказались столь сильными, что Сифр на время перешел от активной спелеонавтики в организаторы аналогичных экспериментов. Нашлись и непосредственные исполнители. В 1964–65 годах добровольному заточению в двух соседних пропастях массива Одиберг во Франции подвергли себя Жози Лорес и Антуан Сенни. Годом позже – Жан Пьер Марите. В 1968–69 годах эстафету подхватила еще одна двойка исследователей в составе Филиппа Энглендера и Жака Шабера.

Жан Пьер Марете, спелеонавт, человек-лаборатория, в условиях пещеры свыше тысячи часов носил на теле многочисленные датчики для регистрации электрической активности мозга, движения глаз, тонуса мышц, записи ритмов сердца и дыхания.

Только через десять лет Мишель Сифр решился на повторение своего первого эксперимента. В 1972 году он установил рекорд одиночного пребывания человека под землей, проведя в пещере Миднайт 205 дней.

Подобные опыты проводились и в других странах. В 1987 году итальянец Маурицио Монтальбини превысил рекорд Сифра, проведя в пещере Марке 210 суток. Среди спелеонавтов известны и женщины. Это французенки Жазин Лорес и Вероника де Гуен, австралийка Дороти Вильямс и другие. Рекордсменкой в этом занятии является итальянка Стефания Феллини, которая, выполняя контракт с Национальным управлением по авиации и исследованию космического пространства США (НАСА), вела научную работу в одной из пещер Мексики в течение пяти месяцев. Эксперимент

ставился с целью получения необходимых данных в плане подготовки экспедиции на Марс.

Абсолютным же рекордсменом спелеонавтики пока является югослав Милутин Велькович, который в обществе собаки, кошки, овцы, кур и уток в 1969–70 годах провел на глубине –100 метров – 463 дня! (*36).

Есть от чего хлопнуть себя по ляжкам!

* * *

Вернемся же на Алек. Мекка советского кейвинга, хребет Алек, на целых пять лет захватил первенство в глубинных исследованиях СССР. Рекорд Каскадной пал. В августе 1965 года в пещере Назаровской спелеологи достигли "старого" дна на глубине –310 метров от поверхности (*37).

Дальнейший путь преградил сифон. Позже будет найден его обход. А пока открытия сыпались одно за одним. Лесник Назаров показал не только вход в Назаровскую. В соседней балке тропа проходит мимо огромной воронки. Не воронка – привлекает внимание белоснежная стена известняков, перерезающая балку поперек, и лишь потом взгляд с удивлением уходит вдоль стены вниз, в заросшую тропической растительностью глубину заваленного стволами упавших буков провала. Величественная картина карстовых процессов! Пещеру, обнаруженную на дне провала, так и назвали – Величественная.

Слухом земля полнится. На Алек толпами валили первопроходцы. Одна за одной прибывают большие и малые поисковые группы, экспедиции, здесь же проводятся Всесоюзные сборы спелеологов. В их составе представлены все ведущие спелеосекции страны: Москва, Красноярск, Крым, Урал, Сибирь. Массированные действия приносят плоды. В 1965 году обнаружены входы в такие знаменитые теперь пещеры как Географическая, Заблудших, ТЕП, менее сложные – Школьная, Медвежья.

Где-то на этих всесоюзных сборах появляются и первые казахстанцы.

1967 год – открыта пещера Ручейная, в августе повторен рекорд страны в Географической, а в ноябре ТЕП дает новый рекорд Союза: –400 метров.

Тот период был славен не только стремлением к глубинному полюсу страны, но также "успехами" официальных спелеоструктур Центрального совета по туризму и экскурсиям (ЦСТ и Э) в борьбе с, по тем или иным причинам в них не входившими, "дикими" спелеологами за приоритет в географических открытиях. Так, например, пещера, открытая московскими "дикарями" Евгением Мухиным, Павлом Сотниковым и Татьяной Кузнецовой и названная ими аббревиатурой имен – ТЕП, вдруг в следующем году оказалась "заново открытой" экспедицией Центральной спелеосекции и переименована в Октябрьскую. Это название до сих пор фигурирует во многих публикациях, как символ безнаказанного спелеопиратства тех лет.

* * *

А между тем Алек продолжает притягивать силы и умы. Год напряженнейших исследований, и вот, экспедиция красноярцев и москвичей с участием спелеологов Дивногорска, Львова, Новосибирска и Крыма под руководством дивногорца В.Д.Бобринина находит обход сифона на "Старом" дне пещеры Назаровская, пробивается через узкие меандры, выходит на подземную реку и в результате упирается в сифон на глубине –500 метров.

Взят заветный полукилометровый рубеж!

А какие это были экспедиции! Почти 20 лет спустя, мы, инструктора спелеосеминара, сидели с участниками тех событий красноярцами Владимиром Коносовым и Юрием Корначевым в гостинице "Красноярск", вспоминали, смеялись. Комбинация пещер Осенняя–Назаровская и сейчас считается одной из сложнейших пещерных систем среднего класса трудности. Интересно, что открытие собственно пещеры Осенняя произошло только в 1970 году. Вход в нее – неказистая вороночка пару метров в поперечнике – находится в нескольких метрах от тропы к Назаровской, ведущей с Буковой поляны, традиционного места наземных базовых лагерей. Пять лет спелеологи, идущие к Назаровской и возвращающиеся из нее, не глядя, проходили мимо. Можно представить изумление счастливца, первым бросившего камень в черную расщелину на дне этой "бесперспективной" воронки: грохот камня о стены и дно без малого 40-метрового входного отвеса Осенней был ему наградой!

С этого момента начинаются исследования пещеры Осенняя, (в которой и сегодня есть не пройденные места), приведшие к обнаружению слияния ее с Назаровской. Уже на входе во второй колодец начинается в Осенней ручеек, постепенно набирающий силу, брызгающий сверкающим душем на колодцах, а в нижней части системы, после взаимослияния потоков из пещер Назаровская, Осенняя,

Величественная, Примусная, и – у самого дна, Географической – это уже настоящая подземная река. Без дураков.

Водонепроницаемый герметичный гидрокостюм сегодня обязательное условие работы в Осенней-Назаровской (да и всех остальных пропастях Алека!). Особенно, если в задачу входит прохождение галечных сифонов Назаровской ниже "Старого" дна. Добрую сотню метров приходится ползти на животе по руслу ручья, буквально прокапывая проход в гальке и со страхом ожидая внезапного паводка – потолок над самой головой: а убежать быстро некуда.

Первопроходцы шли без гидрозащиты. Шерстяная одежда, хлопчатобумажные комбинезоны, резиновые сапоги. Мокрые насквозь, ташили по теснинам и уступам палатки и спальные мешки подземных лагерей, мешки с веревками и лестницами. По колено, а то и по пояс в ледяной воде делали топографическую съемку. И ведь как-то обходилось! Без переохлаждений и других фатальных эксцессов. Да, это было время, когда для участия в подземных экспедициях необходимы были незаурядные здоровье, физическая подготовка и сила воли.

* * *

Сейчас, почти через четверть века после первых уроков Алека, мы здесь, на Улучуре, выглядим, будто ожившие картины прошлого. Нам нужно продержаться в подземном лагере на дне второго каскада пещеры двенадцать часов. Казалось бы – что такого? Спи себе! И больше спали в иных подземных лагерях.

Однако, здесь спать невозможно. С грехом пополам выровненная площадка на полу маленького гротика в стене колодца напоминает шипастый панцирь бронтозавра. Надувных матрасов или пенополиуретановых ковриков-кариматов, как и гидрокостюмов, наша экспедиция не имеет. И теперь мы отчаянно пытаемся вписать свои измученные тела между каменными углами. Четырех часа такой борьбы в полусне выматывают нас окончательно.

Что остается в таком случае? Светская беседа при свечах, господа! Покер на зеленом сукне – это роскошь, а вот в "дурачка" на спальнике – за милую душу! Благо, завалялась у Гены в кармане истрепанная колода игральных карт – наше спасение. И вот – интеллектуальнейшее занятие на глубине в полторы сотни метров, разбавляемое чайком.

Воды, кстати, предостаточно. В колодце. В нашем гротике ее тоже хоть отбавляй, но только в виде тоненькой текучей пленочки на полу и стенах, норовящей затечь в палатку или упавший сапог. Но и только. Поэтому чтобы наполнить чайник, приходится – вот подлость! – выходить в колодец под душ.

Судя по шуму воды, день наверху в самом разгаре и достаточно солнечный. Постоянно прислушиваемся. Такое впечатление, что наш водопад не только не утихает, но как будто усиливается. Скорее всего, обман слуха, но это соображение не прибавляет оптимизма. Мучительнее всего осознавать, что совсем близко, в какой-то сотне метров по вертикали, в нескольких часах работы, светит солнце, сухо и тепло. Коля Петров, наверно, костер чочегарит – вчера парни с парой арендованных ишаков спускались вниз за арчевником. Санька Гановичев тербит гитару, сочиняя очередной мотив. И все ждут нас. А мы дуемся в карты и слушаем воду. Главное на отсидках – терпение (*38).

Все! Сидеть на этих иголках больше нет сил. Будем выходить, и черт с ней, с водой!

В любом деле главное – это решиться. Споро собираем лагерь. Интересно: почему это на поверхности все так ладненько упихивается в транспортировочные мешки, а в пещере – совершенно не желает?

Определяем порядок движения. Первым пойдет Карасев, средним Гена, я цепляю мешки к вытяжной веревке и выхожу последним (*39). У меня все-таки полиэтиленовый анорак.

Втянув головы в плечи и инстинктивно пригибаясь, как солдаты под обстрелом, выходим из-под сводов грота. В колодце шумно и стоит мелкая водяная пыль. Первый из нас судорожно пристегивается к веревкам, оттянутым подальше от воды.

– Ну, пошел!

Карасев согбенным старцем отчаянно впрыгивает под душ. Шум в колодце резко возрастает – капли бьют в его полиэтиленовый плащ. Теперь как можно скорее вперед!

Картина прямо-таки мистическая. Пристегнувшись вне потока и нагрузив своим весом веревку, Виктор теперь раскачивается маятником под сверкающим в лучах наших фонарей дождем, огромными шагами меряя пустоту. Этот развевающийся плащ, марионеточные шаги, вся длинная фигура Карасева, летающая по колодцу все выше и

выше в заполосных отсветах фонарей – ну, прямо "Вечера на хуторе близ Диканьки"! (*40)

И еще один, врезавшийся в память, эпизод. Стою на площадке под последним 20-метровым уступом каскада. Натягиваю рапель (*41), облегчая подъем идущему где-то надо мной Виктору. Мысли уже наверху... Вдруг шум изрядно ослабевшего ручья перекрывает непонятный шип-свист. Мгновение, и могучий удар о каменистое дно сотрясает колодец! Инстинктивно вжимаюсь в стену в ожидании рикошетирующих осколков. Но... вслед за ударом наступает непонятная тишина (шум потока уже не воспринимается). Все еще опасно озираюсь, шарю по сторонам лучом фонаря. Ничего. И тут сверху раздается приглушенный голос Карасева:

– Эй, внизу! Посмотри! Там у меня рукавица упала.

Ох, уж эти фокусы пещерной акустики!

* * *

Падающие брезентовые рукавицы-верхонки часто становятся под землей источниками впечатляющих акустических эффектов. В 1982 году в пещере Заблудших, стоя с москвичом Андреем Пильским над 33-метровым отвесом, известном среди спелеологов как "колодец со щелью", я выронил по неосторожности рукавицу.

– Ой! – сказал я невольно, когда рукавица юркнула в щель устья колодца.

– Что случилось? – спросил Андрей.

– Рукавица ушла, – сказал я.

– Ну... – начал было Андрей, но тут в колодце с такой силой грохнуло, что мы, открыв рты, уставились друг на друга.

Кто бы мог предположить такие артиллерийские способности у обычных верхонков? Вполне безопасно, но эффектно до полного онемения!

Рукавицу я, конечно подобрал. Добро все-таки.

* * *

Мы вернемся на рассвете,

Пусть фонарь уж еле светит,

И махорки только горсточка на всех,

Рвемся вверх мы по колодцам,

И не знаем: ночь иль солнце:

Все равно – нам только б выбраться наверх! (*42)

Так заканчивалась Первая республиканская спелеоэкспедиция в глубочайшую и по сей день пещеру Казахстана.

* * *

Пока мы карабкались на свой полукилометровый рубеж, пиренейские гиганты снисходительно поглядывали через "железный занавес" на своих подрастающих конкурентов.

Добрых десять лет миром глубин безраздельно правила красавица Берже. В 1953 (опять в 53 году!) году во Франции на плато Сорнен горного массива Веркор француз Жо Берже открыл неизвестный вход в пещеру. Спустившись на 52 метра и смекнув, что дело этим не кончится, Жо поспешил в Гренобль. Можно представить с каким энтузиазмом приняли известие о новой пещере его товарищи, если уже на следующий день спелеологи вновь прибыли на плато. Достигнутый в этом году результат –370 метров хотелось считать предварительным. Так и случилось. Следом за первой три экспедиции одна за другой штурмуют неизвестность, и в 1954 году Гуффр Берже завоевывает звание "Глубинного полюса планеты", превзойдя на добрых полторы сотни метров гиганта ПСМ. Итог этих экспедиций: –903 метра, но пропасть продолжается!

1955 год. Новая атака гренобльцев приносит –985 метров. Еще чуть-чуть и... километр?

И вот, в августе 1956 года, французская экспедиция под названием "Операция 1000", наконец, срывает золотой цветок. Отныне глубина красавицы Берже –1122 метра, считая от верхнего входа № 1 до сифона на ее "сухом дне". "Сухим дном" называют нижнюю точку пещеры, которую можно достичь, не прибегая к проньрыванию сифонов с помощью легководолазного снаряжения.

Однако к 1966 году ПСМ дает новый мировой рекорд: –1171 метр. И Гуффр Берже, скромно потупившись, отступает: править миром – дело мужчин.

В борьбе за мировую корону, как обычно, не обошлось и без хитрости. Дело в том, что гидротехнический тоннель, в 1956 году пробитый французской компанией

"Электрик де Франс" прямо в зал Верна на глубине -730 метров от уровня входа в шахту Лепине, дал возможность экспедициям, исследующим ПСМ, без труда попадать сразу в нижнюю точку пропасти, чтобы вести работы по поискам продолжения из зала Верна. Результаты не замедлили сказаться.

* * *

Непосвященному трудно представить объемы пустот подземного мира. Вот как описывал Норбер Кастере зал Верна пропасти Пьер-сен-Мартен:

"...Продолжая идти дальше среди чудовищно нагроможденных громадных каменных блоков и спустившись по очень наклонному завалу, мы вышли на единственное горизонтальное место пещеры: пляж шириной 40 и длиной 80 метров, состоявший из огромных окатанных валунов. Здесь поток, выпитый своими аллювиальными отложениями, просочившись, убежал окончательно, потому что пропасть здесь заканчивалась.

*В конце пляжа известковая стена высотой в 100 метров замыкает гигантский зал, где поместились бы два собора Парижской Богоматери (Какой, какой матери?..): длина его более 200 метров, ширина 120, а высота 100 метров" (*43).*

Так что исследования продолжались. Испанец Хуан Сан Мартин совершил трудное восхождение по стене зала Верна и на высоте 110 метров проник в начало большой галереи Арандази – древнее русло подземной реки. С двумя товарищами он преодолел серию меандров с колодцами и водопадами. Попав в конце концов в невероятно узкий диаклазный (*44) ход, испанцы были вынуждены остановиться на глубине -845 метров.

По следам испанцев двинулась английская экспедиция. Им удалось пробиться сквозь теснину, остановившую испанцев. Диаклаза оказалась длиной 1300 метров (!), получила название Меандр Мартин и – ура! – вывела на слияние с другой подземной рекой. Вода слившихся потоков с грохотом падала в каскад колодцев общей глубиной 240 метров. На дне последнего из них, названного колодцем "Парман", река исчезала в непроходимой узости на глубине -1006 метров от уровня верхнего входа в ПСМ – трудная победа английских рыцарей кейвинга.

Ниже англичан пройти не удалось. Дальнейшее увеличение денивеляции пропасти связано с исследованиями вверх по течению подземной реки со дна шахты Лепине. А вернее сказать, с удачным соединением ПСМ с расположенной неподалеку пропастью Тет Соваж.

Во время одной из экспедиций в Тет Соваж спелеологи клуба "Париж" заметили на стене одного из внутренних колодцев пропасти небольшое отверстие. Проникнув в него, они обнаружили целый ряд колодцев, наибольший из которых имел 100-метровую глубину, и на отметке -405 метров вышли на подземную реку (заметим, что до этого момента Тет Соваж имела глубину всего -145 метров).

Выход на реку под землей – всегда волнующее событие. Мощный, будто заволакивающий все вокруг гул, обступает вас задолго до встречи с потоком. Воображение рисует фантастические картины! И вот – река. Нередко грохот ее воды оказывается не больше, чем акустической иллюзией. Также мощно, многократно усиленный пещерной акустикой, может звучать голос небольшого ручейка.

Но нет, в Тет Соваж была настоящая река. Спускаясь вниз по ее течению, примерно через километр парижане попали в знакомые галереи пропасти Пьер-сен-Мартен. Так состоялся рекорд мира: -1171 метр от входа Тет Соваж до дна колодца Парман (*45).

* * *

Пока идеологи коммунизма провозглашали интернационализм, спелеологи мира осуществляли его на деле.

Казалось, что мы отстали безнадежно. Однако, простой расчет говорил о том, что были бы геологические и климатические условия, а прохождение пещер – дело времени, ну, и, конечно, удачи.

Геологические, и тем более климатические условия на территории бывшего СССР существовали безусловно. А вот удача пришла к спелеологам Московского Государственного Университета на Бзыби.

Бзыбь. Бзыбский хребет Западного Кавказа. Абхазия.

Кавказ уже дал Алек, теперь дошла очередь до высокогорных карстовых районов вдоль побережья Черного моря. И первой в эту очередь встала Бзыбь. Вот как об

этом пишет участница и руководитель многих замечательных кавказских экспедиций Татьяна Андреевна Немченко (*46):

"Освоение Кавказа спелеологами-любителями началось с очень перспективного Гагринского хребта. Но вскоре его исследования замерли почти на 15 лет, так как в 1964 – 1968 годах были открыты около 10-ти крупных пещер (до 500 метров глубиной), компактно расположенных на невысоком и легко доступном хребте Алек вблизи курортного города Сочи. Сильнейшие спелеоклубы СССР, следуя собственному человеку чувству стадности и моды, по четыре раза в год ездили на этот малый клочок огромного пространства Кавказских гор. Однако в конце шестидесятых интеллектуальные умы стали проявлять интерес к рассказам туристов-горников и обнаружили, что, по-видимому, известняковые хребты (и очень высокие!) существуют почти по всему периметру Кавказского хребта. Фольклор был главным источником информации: приличные топографические и географические карты в те времена были секретными".

В 1971 году экспедиция МГУ под руководством М.Зверева открывает на Бзыбском хребте неизвестный вход в пещеру на дне забитой снегом огромной карстовой воронки на высоте 1900 метров над уровнем моря. Вот как это произошло (послушаем Таню Немченко):

"О существовании карстовой части Бзыбского хребта спелеологи МГУ впервые узнали в начале 70-х годов от профессора кафедры физической географии университета, известного ученого-карстоведа Н.А.Гвоздецкого. К тому же, роясь в отчетах в библиотеке туристского клуба Москвы, Муся Григорян прочитала: "...на спуске к селу Дурипш встречаются карстовые воронки..." Есть воронки – значит, могут быть и пещеры! Так состоялся выбор, и в августе 1971 года группа студентов МГУ во главе с Михаилом Зверевым выехала в Абхазию.

В горы поднимались по каньону бурной реки Хипсты. На высоте 1800 метров появились альпийские луга и карровые поля. Склоны были усыпаны воронками. Это был настоящий Клондайк! В течение недели были открыты десятки глубоких пещер от 100 до 250 метров.

Группа разбилась на поисковые отряды. Изучением западного склона хребта, называемого Хипстинским урочищем, занимались Коля Чеботарев, Таня Гужва, Володя Глебов и Таня Рябухина. Когда прочесывали предгребневый склон, надвинулась грозовая туча, и Таня Гужва предложила всем укрыться от дождя в пещерке, которую она только что заметила. Подошли поближе к чернеющему входу и увидели, что пещерка эта спряталась в стене огромного провала, на дне которого где-то далеко внизу смутно в испарениях белел снег. Провал был так велик, что не вязался с привычными представлениями об узких входах в пещеры. Но все-таки решено было спуститься: вдруг есть продолжение?

Глубина колодца оказалась 30 метров. Скалы вокруг были рыхлые, с голубоватым отливом, в нависающей южной стене чернели боковые пещеры. На дне входного колодца снег оказался твердым, слежавшимся фирном, покрытым грязной пленкой. В дальнем конце снежник уходил под свод, но проход был.

Остаток дня спелеологи лазали по ледяным лабиринтам. Местами в наклонных колодцах можно было съезжать по чистому белому снегу. Веревками не пользовались. Один из ходов на глубине 100 метров привел в зал. По дальней стене стояли огромные ледяные колонны. Теперь это – зал Гвоздецкого. За залом вертикальные стены наклонного хода сузились, а ледник, заполнявший низ каньона, круто пошел вниз. Чтобы двигаться дальше, нужны были крючья и лестницы".

Не знаю, как Вас, а у меня дух захватывает при чтении этих строк. Стоять на самом краю Великого открытия и даже не подозревать об этом! Надеяться, но не знать. Просто работать, азартно ловя за хвост Летучую мышь Удачи!

Пожалуйста, Таня, рассказывай дальше.

"Вечером в базовом лагере спелеологи МГУ сидели у костра и, как всегда, пили чай. Внезапно появился Володя Глебов. Он что-то пробурчал, не стал вдаваться в подробности, схватил мешок с веревками и скрылся. На другой день прибежал Коля Чеботарев. Происходя из известной математической семьи, Коля умеет занятно изложить мысль. К тому же тогда он был еще и радостно возбужден. Оказалось, что из зала Гвоздецкого за последние сутки удалось спуститься еще на

40 метров. Дальше каньон обрывался: звука падения камня даже не было слышно. "До центра Земли!", – заявил Коля.

Что там в темноте: на дне колодца, за поворотом, в дальнем конце зала? Этот вопрос возвращает спелеолога, ступающего там, где не ступала нога человека, на полтысячелетия назад, в век великих географических открытий, и заставляет забыть если не обо всем, то о многом... Была непогода, кончались продукты, (подходил конец экспедиции), но МГУ-шевцы уменьшили рацион и начали исследование Снежной.

Принято было решение – немедленно перенести весь лагерь экспедиции к пещере. На следующий день уже все спелеологи МГУ толпились у входа. Открытия продолжались. Спустившись в колодец, который еще вчера казался бездонным, Коля оказался на вершине снежно-ледового конуса. Эта крутая ледяная гора под землей была так велика, что свет фонаря терялся в темноте, не освещая ее подножия. Чтобы спуститься вниз, пришлось рубить ступени ледорубом. Ледник высотой с восьмизэтажный дом занимал почти весь пол, казалось, необозримого Большого зала. Только годы спустя, когда в Снежную стали ходить и зимой, выяснили тайну образования этого феномена. Однажды во время зимнего спуска группы спелеологов в Большой зал, на поверхности разыгралась снежная буря. Входная воронка, как бункер, накапливала снег, – и по пещере помчались лавины. Все 200 метров вертикальных ходов заполнялись белым туманом снега. Пролетев 200 метров, он с грохотом падал на вершину снежного конуса.

Поиски выхода из Большого зала оказались безуспешными. Разочарованные, замерзшие и усталые, возвращались спелеологи наверх. Эту неудачу Володя Глебов переживал больше других. Он решил возвращаться последним и задержался в южной и самой дальней от снежного Конуса части зала. Там за моренным валом была небольшая свободная ото льда каменистая площадка. Здесь было не так холодно. Володя наблюдал удивительную сцену, как глубоко под землей, во мраке вечной ночи, по снежной горе двигалась цепочка огней. Потом один фонарик начал медленно, очень медленно, подниматься; еще несколько звездочек мелькали на вершине горы. Хотя это и было очень красиво, но чтобы не замерзнуть, Володя стал двигать камни: а вдруг будет проход? Ему почудился слабый ток воздуха".

Злые языки утверждают, что Глебов не просто так присел в уголке Большого зала и что уловил он заветный ветерок вполне определенной частью тела. Но оставим это на совести шутников-завистников!

Как бы там ни было, но:

"... Появился азарт, он начал двигать камни с энтузиазмом. И вот открылся узкий лаз и тотчас подул ветер – верный признак того, что впереди лежат большие подземные пространства!

Ликование было всеобщим: за открывшимся горизонтальным узким лазом, тут же названным "Шкуродером", начинался новый колодец.

Уже неделю группа МГУ жила на сильно урезанном пайке. Теперь кончились последние крохи съестного. И только тогда на дне Кораллитового колодца на глубине 300 метров Михаил Зверев дал команду об окончании работы экспедиции. Впереди по широкому ходу, названному "Галереей", текли ручьи, вверх и вниз уходили многочисленные колодцы. Здесь, на стене галереи, Миша укрепил записку, которая много лет потом воодушевляла спелеологов: "Впереди всего навалом!"

Голодные, но полные радостных надежд, спелеологи МГУ возвращались в Москву. Можно представить, какие рассказы слышали их товарищи! Но лучше Тани об этом вряд ли кто расскажет:

"Энтузиазм открывателей был необычайным. Уже через два месяца в ноябре этого же 1971 года спелеологи МГУ вновь отправились в пещеру. Склоны хребта уже покрылись свежим снегом. Было холодно. Ко входу с трудом пробившись только через несколько дней. Для дальнейшего прохождения пещеры несли с собой большой груз снаряжения. Но все вновь изготовленные тросовые лестницы ушли на навеску всего лишь одного колодца. Но какого – глубиной 160 метров!

По этому колодцу лилась вода, работали в гидрокостюмах. Они были тяжелые, из толстой резины, и подъем отнимал много сил. Для прохождения Большого колодца в те времена требовалось незаурядная сила и ловкость. К спуску были допущены только мужчины".

Через 10 лет после описываемых событий мы сидели с Таней на поляне Сувенир под входом в Снежную, и я стогнал мурашек со спины, слушая ее рассказы о тех лестничных штурмах Большого колодца Снежной. И на зажимах-то не просто пройти такую вертикаль, а по лестницам...

Я смотрел на миниатюрную девушку – руководителя нашей экспедиции, представлял ее на вихляющейся над бездной тоненькой тросовой лесенке и думал, что сегодня меня вряд ли кто заставит взяться за лестницу. Да еще в таком отвесе!

Но это было давно. Всего 10 лет тому назад.

"...Чтобы облегчить связь, один за другим оставались на уступах люди, и на дно колодца спустился только один человек – Коля Чеботарев. Здесь стоял грохот падающей воды, который заглушал голоса друзей. Только видны были вверху звездочки фонарей – как звезды родного университета на Воробьевых горах. Так появился на карте Снежной "Университетский" зал.

У дна колодец расширялся в огромный воронкообразный зал. За высокой перемычкой в этом же зале находилось дно какого-то другого колодца, образуя такую же воронку и еще один глыбовый завал. Даже вдаль от падающих струй воздух был насыщен мельчайшей водяной пылью. Очевидного прохода дальше видно не было.

Новая экспедиция МГУ летом 1972 года состояла из 11 женщин и 17 мужчин вновь во главе с Михаилом Зверевым. Еще в Москве была запланирована установка двух подземных лагерей: одного на глубине 200 метров в глухом зале за Шкуродером, второго – на глубине 450 метров, в Университетском зале. Это должны были быть плацдармы штурма глубин.

Разведка в завалах на дне Университетского зала оказалась сложной и часто опасной. В первой воронке под колодцем прохода найти не удалось. Зато во второй воронке Коля Чеботарев пробрался по лабиринтам среди гигантских глыб к ручью, который тек по узкому каньону. Только здесь впервые в Снежной встретились в заметных количествах сталактиты. Порожистое русло ручья во многих местах перекрывалось глыбовыми навалами.

Первую группу исследователей, базировавшихся в Университетском зале, сменила вторая группа. Ее возглавлял Галактионов Валера. На долю ребят выпали замечательные открытия. После Второго завала ручей стал падать круче, его каньон стал шире, потолок, казалось, вовсе исчез. Каскады следовали один за другим. Маленькие водопады вызывали восторг у первооткрывателей. Но настоящий триумф наступил, когда Водопадный ручей впал в большую реку. Ни на одной карте не была отмечена эта река, но она существовала здесь, на глубине 600 метров в толще гор.

Река вытекала из непроходимого глыбового завала в 100 метрах выше места впадения ручья, и текла по впечатляющему каньону, то спокойно растекаясь по широкому ходу, то обрываясь мощными и живописными водопадами, то пенясь на перекатах. Наконец, разогнавшись по наклонному желобу, она исчезала под очередным завалом. Везде в каньоне слышен был шум воды, мощно дул ветер, летели брызги. Кое-кто признался потом, что ему было не по себе от страха, другие уверяли, что у них захватывало дух от восторга.

Все попытки пройти этот пятый по счету завал оказались неудачными, и экспедиция на этом закончила свою работу. Главный итог ее – Снежная стала глубочайшей пещерой СССР, а какой спелеолог не мечтал о таком успехе! Всего спелеологами, студентами Московского университета, по итогам этих трех экспедиций было открыто около двух километров ходов. Блестящее достижение!

В последующие четыре года сильнейшие клубы страны один за другим штурмовали Пятый завал. И – безуспешно. Завал этот теперь стали привычно называть дном пещеры. Стало очевидным: чтобы сделать в Снежной решающий шаг, нужен был новый подход, может быть, новая стратегия".

* * *

До новой стратегии было не так уж и далеко. А пока пещера, получившая название – Снежная, в 1972 году дала неслыханный для СССР результат: –700 метров! Впервые советские спелеологи работали на такой глубине да еще в условиях настоящей подземной реки. В одном из выходов группа москвича Глебова получила опыт встречи с паводком на этой реке. Восемь часов провела группа на небольшом уступчике, пережидая подъем воды. Несмотря на все препятствия и неожиданности, экспедиция преодолела несколько глыбовых завалов, каждый раз поднимаясь на десятки метров над руслом подземного потока, но была остановлена гигантским "Пятым" завалом, под которым исчезала река.

* * *

Не только на Кавказе велись интенсивные поиски. Успех Снежной подталкивал киевлян, работавших в Узбекистане на плато Кырк-Тау Зеравшанского хребта Тянь-Шаня под, а точнее – над! – Самаркандом. Результатом двух летних, 1972 года, экспедиций под руководством Валерия Рогожникова и Александра Климчука стало открытие входа и прохождение первых 270 метров новой пропасти, получившей название Киевская (иначе КилСИ – Киевская Лаборатория Спелеологических Исследований)

Открыли эту пещеру весьма буднично. Шла обычная разведка в западной части плато. Двойка спелеологов – Климчук и Резников, осматривали воронки на краю карстовой котловины. Урожай был невелик – несколько небольших колодчиков. А эта воронка и вообще казалась малоперспективной – открытого входа в пещеру не было видно. Но между глыб на ее дне видны какие-то щели. Опыт спелеопоиска показывает, что нельзя пренебрегать любыми мелочами. И точно! Брошенные в щель камни дают ответ: быстрый дробный перестук – наклонный ход, затем несколько, с перерывами, сильных ударов – это уже вертикальные обрывы-колодцы.

На следующий день, 21 августа 1972 года, понадобилось полчаса работы, чтобы расширить щель в воронке, помеченной накануне КТ-29.

Пещера продолжалась, и следующий год принес в Киевской –540 метров. А пещера и не думала кончаться...

* * *

В это время на Кавказе экспедиции разных спелеосекций снова и снова безуспешно пытались найти проход в Пятom завале Снежной. Завал оказался твердым орешком и отражал одну атаку за другой.

В пылу экспедиций, воздвигаемых и рушащихся карточных домиков надежд, прошел год 1974-й.

После успеха в 73-м киевляне вернулись на Кырк-Тау только два года спустя. Летом 75-го кырктуасская экспедиция под руководством Татьяны Крапивниковой остановилась перед непроходимой пока щелью на отметке около –700 метров. Киевская сравнялась со Снежной и... продолжалась! (*47)

Неудивительно, что в 1976 году взгляды многих охотников за подземными рекордами обратились к Средней Азии. На Кырк-Тау собирается Всесоюзная экспедиция – в два этапа. В составе ее представители Киевской, Пермской, Крымской, Львовской, Красноярской и других комиссий спелеотуризма. В пропасть было спущено снаряжение достаточное для прохождения не менее двух километров по вертикали.

Вот как описывали события той экспедиции ее участники (*48):

"... Мы сидим в палатке под землей, на глубине около 800 метров. Мы – это киевляне Александр Резников, Валерий Рогожников, Тамара Крапивникова, Александр Климчук и спелеологи из Томска – Вячеслав Чуйков и Павел Бозриков. Штурмовая и научная группы. В палатке уютно гудит примус, довольно тепло, и от насквозь мокрых шерстяных свитеров валит пар. Ужасно хочется спать, но надо еще приготовить пищу. Страшная усталость и нервное напряжение после почти сорока часов тяжелой работы не дают в полной мере ощутить радость достигнутого: мы перешагнули километровый рубеж – спустились до глубины 1020 метров... Предполагали после отдыха в лагере "–800" продолжить штурм пещеры. Но когда стали подниматься в лагерь, один из членов штурмовой группы потерял сознание от переохлаждения. Вода – наш главный враг – отбирает последние остатки сил и тепла..."

Вода в шахте везде. Уже на первых метрах пропасти – мокрые стены, лужи. Примерно на глубине 100 метров отдельные струйки сливаются в постоянный ручей. На колодцах – вертикальных обрывах – он ниспадает "освежающим" душем (температура воды 3–4 градуса по Цельсию). С глубиной поток становится мощней, и в нижних частях пропасти душ превращается в водопады. И горе тому, у кого разодран гидрокостюм об острые выступы стен. На первом же колодце под водопадом вся шерстяная одежда вымокнет под резиной до нитки, а десятков-другой часов пребывания в мокрой одежде при температуре не выше 5 градусов могут привести человека в тяжелое состояние. Хорошо еще, что в шахте Киевской нам не грозит одна из основных опасностей обводненных пещер – опасность внезапного повышения

уровня воды, вызванного ливневыми осадками на поверхности. Над Кырк-Тау в это время года можно месяц не увидеть даже маленькой тучки...

Чтобы спасти товарища, нам нужно поскорее обогреть его и накормить. А до лагеря "-800" еще почти сто пятьдесят метров подъема по вертикальным колодцам, наклонным ходам с узкими щелями и потоком, образующим водопады и непрерывные цепочки озер. С каждым часом все труднее становится поддерживать жизнедеятельность переохлажденного организма...

И вот, наконец, мы в лагере "-800". Ощущаем огромное блаженство от тепла и от того, что осточертевшие гидрокостюмы и каски, облепленные грязью, остались за палаткой. Рассказываем нашему пострадавшему, который уже пришел в себя, подробности спасательных работ. Откуда-то сверху доносится затихающее в шуме потока пощелкивание захватов – это врач экспедиции Валерий Разбицкий и Александр Таширев уходят ночевать "на этаж выше", в лагерь "-700". Когда по связи наверх пошло сообщение о ЧП, они спешно примчались из лагеря "-400", где находились в это время, чтобы помочь нести пострадавшего.

Тихо шипит примус, Чуйков пытается связаться по телефону с базовым лагерем, остальные, разомлев, засыпают. Но еда уже готова, расталкиваем заснувших. С трудом открывает глаза Тамара и молча выслушивает наши поздравления – она стала первой женщиной в СССР, покорившей такую глубину, и, наверное, надолго единственной.

Проснувшись часов через пятнадцать, мы поняли, что на вчерашнее ЧП потеряно слишком много времени и сил и что повторный выход для достижения дна пещеры придется отложить. Дна пропасти мы так и не увидели..."

* * *

Первый этап Всесоюзной экспедиции установил рекорд страны, но отступил, так и не увидев дна пропасти. Затем...

"Первым дно пропасти увидел Шура Шевчук... Дно великих пропастей на километровых глубинах до этой экспедиции он представлял себе приблизительно. Но был уверен, что пробел в области пещер в ближайшие дни будет заполнен. Потому что все они – монтажник Шевчук, художник Чурин, экономист Петров, техник Михалевич, слесарь Евдокимов во главе с инженером-геологом Пантюхиным – были в равной степени достойны ступить на дно. Вопрос, кто будет первым, решала сама пещера. Шевчуку повезло.

Спокойный, рассудительный Петров в потекшем гидрокостюме и невозмутимый Михалевич остались в галерее, расположенной ниже рекордной отметки киевлян, страховать Шевчука, спускающегося в очередной колодец.

– Ну? Что там, Шура? – услышал он голос Петрова.

Он спустился ниже – метров на десять, и увидел под собой ровную серую поверхность.

– Вода, – закричал он наверх. – Озеро. Похоже на сифон. Я посмотрю?

– Аккуратно, Шура...

Он вошел в ледяную воду и, как был в сапогах, комбинезоне и каске, освещая путь тускло горящим фонарем, поплыл к другому берегу. Потом он подныривал под скалы в поисках хода.

Но не нашел...

Они дошли до дна, установили всесоюзный рекорд и определили, что КилСИ – четвертая в мире по глубине пещера. Но удовлетворения не было. У ног лежало около полукилометра веревок, готовых для мирового рекорда. В лагере "Недра-3", не зная об озере, отдыхали их товарищи, Геннадий Пантюхин, Сергей Евдокимов, Олег Чурин, готовые штурмовать бездну...

Петров взял телефонную трубку, и там, высоко в светлом мире, на поверхности, раздался сигнал.

– Мы, вроде, дошли до дна, передайте Панте.

Из верхнего лагеря позвонили Пантюхину...

– Да? – сказал он и замолчал.

Потом он признался, что был не готов к этому сообщению, и принял глубину 1082 метра как предательство со стороны пещеры.

Скоро Пантюхин, Чурин и Евдокимов уже были на дне. Провели съемку. К этому времени Петров, Шевчук и Михалевич уже вбили в стенку крюк и повесили на него вымпел крымской секции спелеологии...

- Кажется, все, - сказал Пантюхин, - кажется с КилСИ все! Но где-то рядом должна быть пещера глубже французских. Надо ее найти и достичь дна - в этом суть".

Так писала "Комсомольская правда" в статье Юрия Роста "Пропась" в октябре 1976 года.

***28 АНОРАК** - ветрозащитная куртка без подкладки.

***29 МЕАНДР** - по имени очень извилистой реки Меандр, ныне Большой Мендерес, в Малой Азии. Меандрировать - изгибаться в различных направлениях. "Что такое меандр?" - спросили у одного из слушателей семинара спелеоинструкторов на Кавказе в 1983 году. "Это меандрирующий ход!" - ответил тот.

***30 ЯИЛА** - крымское название высокогорных пастбищ, тюркского происхождения (сравнить - джайлау в Казахстане).

***31** Это было так называемое "Старое дно" Каскадной.

***32** Вода, за счет растворенной в ней углекислоты (H_2CO_3) и других кислот, химически разрушает - корродирует карстующиеся горные породы. Однако гораздо большее влияние на образование пещер оказывают текущие под землей потоки, несущие с собой песок и гальку, особенно во время сильных паводков, вызываемых ливневыми дождями на поверхности. Эрозия, порождаемая движущейся водой - основная сила, вызывающая развитие карстовых пещер. При этом относительно мягкие слои горных пород вымываются, а более твердые образуют карры в виде острых ребер, ножей, игл и других неприятностей. Даже неопытный глаз сразу улавливает эти особенности остроуго эрозийного рельефа пещеры.

***33** О выдающихся экспедициях одиночек прекрасно поведал в своей книге "В поисках приключений" известный английский альпинист Крис Бонингтон, Москва, "Прогресс", 1987 год.

***34** "Spelunca" №1, 1972 год, Париж, Франция, ФФС.

***35 М.Сифр** "В безднах земли", Москва, "Прогресс", 1982 г.

***36** Данные приводятся по материалам доклада К.А.Горбуновой "Пещеры и космос" на конференции по карсту и спелеологии в г.Кунгуре в 1989 году.

***37** Здесь и далее мы обращаемся к данным А.В.Вятчина и В.Д.Резвана "Систематизация результатов спелеологической деятельности в СССР за период 1958-1988 г.г." Тезисы докладов 2-го регионального карстолого-спелеологического совещания по Западному Кавказу, Сочи, 1988 год.

***38 ОТСИДКА** - отсиживаться, пережидать паводок (спелеослент).

***39** Много лет понадобилось, чтобы понять: поднимать груз, прицепляя его к вытяжной веревке и на этой веревке вытягивая вверх, гораздо дольше, чем подниматься одновременно с грузом, тем более, если мешков не больше, чем по одному-два на человека. Эта тактика резко снижает скорость продвижения группы.

***40 "Вечера на хуторе близ Диканьки"** - известное произведение Н.В.Гоголя, в котором происходят мистические и колдовские приключения героев.

***41 РАПЕЛЬ** - (от французского rapeller - возвращаться); термин, пришедший в технический кейвинг из альпинизма. Рапелью называли веревку, которую использовали при спуске с вершины, сдергивая ее за собой, подобно спелеологической технике корделетт. Впоследствии рапелью стали называть любую веревку для спуска и подъема по ней.

***42 К.Б.Серафимов** "Гимн завоевателей пещер", плато Улущур, 1982 год.

***43 Н.Кастере** "Тридцать лет под землей", Москва, "Мысль", 1964 год.

***44 ДИАКЛАЗА** - карстоведческий термин, означающий трещину раздробления (Н.А.Гвоздецкий "Карст", Географиздат, Москва, 1950 год, стр.62). В технической спелеологии диаклазом называют узкий горизонтальный или наклонный, иногда меандрирующий, щелевидный в вертикальном направлении ход, непроходимо сужающийся книзу и кверху, предопределяющий передвижение по нему преимущественно лазанием на распорах (К.Б.Серафимов, В.Д.Резван "Проведение учебных занятий по тактико-техническому описанию спелеотуристских маршрутов" ЦРИБ "Турист", Москва, 1990 год, стр. 12).

***45 Н.Рашков, А.Ханджейский** "Экспедиция Гуффер Верже-69 и Пьер Сен Мартен-73", София, "Медицина и физкультура", 1977г.

***46** Здесь и дальше Т.А.Немченко "История исследования Снежной", "Свет", Вестник Киевского Карстолого-спелеологического Центра № 1-2 (7-8) январь-июнь 1993 г.

***47** По материалам: А.Б.Климчук и др. "Карст массива Кырктау - Зеравшанский хребет Тянь-Шань" Киев, ИГН, 1981 год.

***48 А.Климчук, А.Ломаев** "Есть и у пропасти дно!" "Вокруг Света", 1977г.

Константин Борисович Серафимов

"ЭКСПЕДИЦИЯ во МРАК"

www.sumgan.com